

КРИТИКА. БИБЛИОГРАФИЯ. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 94(47)''1914/1918''+054.73

DOI 10.26456/vthistory/2022.3.135–145

БЕЖЕНЦЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ И ИХ СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ. О КНИГЕ Н.В. СУРЖИКОВОЙ, Н.А. МИХАЛЕВА, С.А. ПЬЯНКОВА «РОССИЙСКОЕ БЕЖЕНСТВО: ЦЕНТРЫ И ПЕРИФЕРИИ, ПРОЦЕССЫ И СТРУКТУРЫ, ИНДИВИДЫ И МАССЫ (1914–1922 ГГ.)». ЕКАТЕРИНБУРГ; ЧЕЛЯБИНСК: ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР ЮУРГУ, 2021. – 493 С.

В.П. Булдаков

Институт российской истории РАН, г. Москва, Россия

Проблема беженцев Первой мировой войны изучается давно и весьма обстоятельно. При этом по преимуществу используется материал местных архивов Европейской России, касающийся путей перемещения мигрантов и их временного обустройства. Напротив, рецензируемая работа основывается на немногих материалах уральских архивов, отражающих жизнедеятельность беженцев в местах их окончательного размещения. Тем не менее, авторы книги неоправданно претендуют на всероссийское обобщение. Заключительная часть книги, претендующая на некое теоретическое обобщение, отмечена голословными обобщениями, высказанными самоуверенным тоном в крайне претенциозной форме. Сделанные выводы плохо стыкуются с конкретным исследовательским материалом. В целом амбициозное стремление к генерализациям снижает значимость конкретного исследовательского материала.

Ключевые слова: Россия, Первая мировая война, беженцы, историография.

В связи с поднявшимся интересом к истории Первой мировой войны настоящий бум пережила проблематика вынужденных мигрантов – прежде всего беженцев. При этом

исследовательский процесс почти не выходил за пределы регионального материала¹. Это не удивительно: авторы бросились использовать наиболее доступные документы местных

---

¹ См.: Gatrell P. A Whole Empire Walking: Refugees in Russia during World War I. Bloomington, Indiana, 1999; Гетрелл П. Беженцы и проблема пола в России во время Первой мировой войны // Россия и Первая мировая война. СПб., 1999; Курцев А.Н. Беженцы первой

мировой войны в России (1914–1917) // Вопросы истории. 1999. № 8; Бартеле Т., Шалда В. Латышские беженцы в России в годы Гражданской войны // Отечественная история. 2000. № 1; Скалабан В.В. Белорусские беженцы Первой мировой войны: перспективы

архивов. Наконец появилась книга, претендующая на обобщение в общероссийском масштабе.

Во введении выражается крайнее недовольство нынешним состоянием исследований. При этом утверждается, что, «пренебрегая всяческими сложными конструктами и неудобопонятными терминологическими изысками, можно сказать, что история российских беженцев на их родине воспроизводится главным образом в русле внешней по отношению к собственно беженцам истории, написанной как бы “снаружи” и “сверху”» (С. 15). Кажется, высказана претензия на освещение вопроса «изнутри», причем без «изысков». Но как быть с источниками? Неужели авторы книги смогли обнаружить их качественно новый пласт? Но об этом чуть позже.

В адрес предшественников высказана ещё одна претензия: «“провинциализация” научного поиска» (С. 16). Очевидно, предлагается придать исследовательскому процессу

«столичный» размах. В общем, предстоит соединить микро– и макро-историю, «провинцию» с «метрополией», эмпиризм с теоретическим взлётом мысли. Но мыслимо ли такое в небольшой книге, половину объёма которой занимают различные приложения?

Авторы уже давно подбирались к провозглашённому когнитивному перевороту. Десятилетие назад было заявлено: «... Ассиметричность трактовок беженства в России и за её пределами вполне согласуется с общей асимметричностью развития отечественного и зарубежного историописания»². Сказано мудро, но таков обычный – «руководящий» – стиль «главного» из авторов – Н.В. Суржиковой. Основную исследовательскую работу взяли на себя Н.А. Михалев и С.А. Пьянков, ещё ранее пытавшиеся охватить «численность, размещение, состав» всероссийского беженства³. В книге было заявлено, что прежняя «жёсткая контекстуализация беженства в жестких хронологических, равно как и в жёстких тематических

изучения // Последняя война Российской империи: Россия, мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов. М., 2006; *Жванко Л.Н.* Біженство Першої світової війни в Україні. Документи і матеріали (1914–1918 рр.) Харків, 2009; *Лапановіч С.Ф.* Дзейнасць дзяржаўных і грамадскіх арганізацый па аказанні дапамогі у Беларусі ў гады Першай сусветнай вайны (1914–кастрычнік 1917 г.). Мінск, 2010; *Златина М.А.* «33 несчастья» или проблема организации помощи еврейским беженцам в Черниговской губернии // Петербургские военно-исторические чтения. СПб., 2018; *Карнялюк В.Р.* Міграцыя беларускага

насельніцтва, выкліканая Першай сусветнай вайной: манагр. Гродна, 2019; *Грицаева А.Н.* Государственная помощь беженцам в России в годы Первой мировой войны (1915–1916 гг.) // История российской государственности. М., 2021; и др.

² *Суржикова Н.В., Михалев Н.А., Пьянков С.А.* Российское беженство 1914–1922 годов в контекстах новейших отечественной и зарубежной историографий // Вестник Пермского университета. Сер. История. 2012. № 3(20). С. 146.

³ См.: *Михалев Н.А., Пьянков С.А.* Беженцы Первой мировой войны в Российской империи: численность, размещение, состав // Уральский исторический вестник. 2015. № 4(49).

рамках едва ли может претендовать на звание успешной, требуя корреляции различных масштабов, углов зрения и временных измерений» (С. 28). При этом утверждается, что отмеченными пороками якобы страдает работа И.Б. Беловой⁴.

Стоит пояснить: из всех публикаций, посвящённых вынужденным мигрантам, именно монография Беловой является наиболее фундированной. Тем не менее, авторы утверждают, что «география работы, ограниченная шестью губерниями Центрально-Европейской России, однозначно дефицитна для того, чтобы делать обобщения национального уровня...» (С. 29). Для справки: помимо областных и центральных (ГА РФ и РГВИА) архивов Белова использует материалы Национального архива республики Беларусь. Это резонно, учитывая, что основная драма вынужденного исхода мирных жертв войны разворачивалась в местах, которые им приходилось покидать, а также по основным маршрутам их следования. Конечно, географию исследования можно расширить. Но что дадут для восполнения возможных лакун документы из архивов Перми, Тюмени, Свердловской области и Шадринска (на которых базируются авторы), то есть материалы, касающиеся преимущественно мест конечного размещения беженцев?

Тем не менее, Суржикова и др. упорно отстаивают удобный и пово-

рот темы, заявляя, что «... исследования, абсолютизирующие беженство как явление миграционное, обходят стороной тему влияния беженских потоков на социально-демографическую динамику регионов выбытия и прибытия, причем не только в краткосрочной, но и среднесрочной перспективе» (С. 20).

Между прочим, Белова исследовала не только судьбы беженцев, но и представителей других категорий вынужденных мигрантов. Такой подход позволил полнее воссоздать масштабы и последствия вызванного войной гигантского перемещения населения, объёмнее очертить параметры людских бедствий и объективно оценить попытки государства и общества облегчить положение мигрантов. То, что Белова – наиболее цитируемый автор по данной теме, не удивительно. А Суржикову можно понять, учитывая, что некогда она защитила докторскую диссертацию, касающуюся *только* небольшой локализованной массы военнопленных⁵ (что соразмерно с кандидатской диссертацией). Естественно, она попыталась «раздуть» значение своей работы, изобразив «микроисторическое» сочувствие судьбам людей.

Однако работа Суржиковой кое у кого вызвала совсем иное впечатление. Оказывается, она «проанализировала и раскрыла явление плена посредством социальных и индивидуальных практик, что позволило представить плен в качестве комплексной

⁴ См.: Белова И.Б. Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914–1925 гг. М., 2014.

⁵ См.: Суржикова Н.В. Производительность труда пленных иностранцев на

Урале 1914–1917 гг. // Вопросы истории. 2012. № 2; Суржикова Н.В. Военный плен в российской провинции, 1914–1922 гг. М., 2014.

составляющей жизни российской провинции военно-революционной эпохи; выявила факторы, влиявшие на перемещение военнопленных в пределах Среднего Урала»⁶. Между тем материал, представленный авторами рецензируемой книги, мелковат для генерализаций. Однако претензии на «масштабность» заразительны.

Тема вызванных войной перемещений народов многогранна. По мнению исследователей, среди лиц, покинувших западные губернии, были и собственно беженцы, и насильственно выселяемые, и рабочие, эвакуированные с предприятиями⁷. Со стороны они воспринимались как единая масса. Авторы данной книги подтверждают: попытки властей упорядочить миграционные потоки провалились (С. 47–51). Это было по своему неизбежно. В обществе считали, что бюрократия постаралась спихнуть заботу о мигрантах на Земский и Городской союзы. Мотивацию воспринимали соответственно: «Если правительство возьмет (это дело. – *Авт.*) в свои руки, и какая-нибудь девчонка умрет, газеты поднимут вопль и т. д.; если Союзы будут ведать беженством, и умрет 2000 человек, все будут говорить: вот как

мало погибло при миллионах беженцев»⁸.

Общее количество беженцев оценивали по-разному: до 7,5 млн человек⁹. Среди выселенцев из западных губерний половину составляли евреи, а треть – немцы¹⁰. Их ожидаемые потоки были заранее распределены между губерниями. На деле таким губерниям, как Тверская, Смоленская, Калужская угрожал неупорядоченный наплыв «стихийных» мигрантов. Беженцы попадали в «чужие» губернии, многие из них, особенно дети, терялись¹¹. Ни бюрократическое государство, ни разношерстная общественность исправить положение в полной мере не смогли. Возможности церковных организаций также оказались ограниченными. К примеру, один священник (Ядринский уезд Казанской губ.) сообщал, что в с. Чиганары в конце сентября 1915 г. было размещено 103 беженца, «совершенно без всяких средств и без всякого запаса пищи, одежды и всего необходимого». В результате более месяца им пришлось существовать исключительно «за счёт благотворительности наших сердобольных крестьян». В некоторых волостях беженцам приходилось «побираться по

⁶ Семенова Е.Ю. Российский город в годы Первой мировой войны (на материалах Поволжья). Самара, 2016. С. 9.

⁷ Gatrell P. A Whole Empire Walking. P. 32.

⁸ Мельгунов С.П. Воспоминания и дневники. Вып. 1. Париж, 1964. С. 202.

⁹ Волков Е.З. Динамика народонаселения СССР за 80 лет. М.; Л., 1930. С. 72.

¹⁰ См.: Полян П. Не по своей воле... История и география принудительных

миграций в СССР. М., 2001. С. 27; Хольквист П. Российская катастрофа (1914–1921) в европейском контексте. Тотальная мобилизация и «политика населения» // *Rossia*. 1998. Vol. XXI. no. 11–12. С. 38–39.

¹¹ Щепкин М.М. Беженцы и организация помощи им в связи с работами Особого Совещания. Б/м, Март 1916. С. 11, 14, 18–19.

миру картофелем и хлебом»¹². 21 августа 1915 г. на заседании епархиального комитета Нижегородской губернии епископ Иоаким отмечал: «С каждым днём прибывает в Нижний все новый и новый поток беженцев. Положение этих людей ужасное... Чувство человеколюбия настоятельно требует, чтобы мы приложили все наши силы в святом деле помощи жертвам общего несчастья». Епископ выразил надежду, что представители духовенства «не только будут стоять наряду с рядовыми жертвователями, но и явятся еще и главными организаторами и деятелями по призрению беженцев»¹³.

Проблема беженства в наше время стала болезненно актуальной. Отсюда растущая конкуренция среди исследователей. Понятно, что кое-кто из них испытывает подобие зависти к авторам наиболее обстоятельных работ. Поэтому приходится привлекать к себе внимание особыми способами.

В рецензируемой книге последовательно рассматриваются: «археология проблемы и динамика перемещения» беженцев; «беженство в традициях российской благотворительности»; «беженцы на рынке труда»; беженцы «в миграционных процессах 1917–1922 гг.». Венчает книгу подобие заключения: «Беженцы в контексте “лепки” населения и социального переустройства России». Между тем, следовало бы обратить особое внимание на другие моменты: уход

или сгон населения с территории проживания; потоки движения и транспортное обеспечение мигрантов; изменения представлений о власти и «большом» социальном пространстве со стороны беженцев. Однако авторы, следуя за близлежащими документами, предпочитают иной – относительно упорядоченный – этап в жизни беженцев, представив его эпицентром всей проблематики. В результате динамика их перемещений выглядит смазанной: длинная цитата из воспоминаний Е.А. Никольского о страданиях беженцев (С. 62–64) сочетается с многочисленными (и все же неполными) статистическими данными.

Наибольшую новизну представляет раздел о размещении и об использовании труда беженцев, хотя и здесь не обошлось без упущений. Многое об особенностях восприятия беженцев местным населением известно. Поначалу некоторые крестьяне (Нижегородская губ.) заявляли, что беженцев «нужно принимать не кое-как, а как дорогих гостей», серьёзно пострадавших от всеобщего бедствия. Порой они по собственному почину кормили их, обеспечивали чистым бельём. В Ковровском уезде обыватели словно соревновались по части благотворительности: здесь насчитывали 15 организаций, начиная с городского комитета, кончая церковно-приходскими и волостными попечительствами о беженцах¹⁴. Подавляющее большинство семей мигрантов удавалось пристроить

¹² Ерусланова Р.И. Социальная помощь в Поволжье в годы Первой мировой войны. М., 2013. С. 141–142.

¹³ Голубин Р.В., Морохин А.В., Николаев Д.А. Нижний Новгород и Нижего-

родская губерния в годы Первой мировой войны. Нижний Новгород, 2014.

С. 15.

¹⁴ Белов С.Б. Патриотизм 1915 года. Нижний Новгород, 2017. С. 109, 112–113.

на жительство к состоятельным деревенским хозяевам, хуторянам, казакам-станичникам. Мужчины, старшие дети и часть женщин работали у них, получая денежное вознаграждение. В хлеботорговых губерниях многие хозяева даже не брали с беженцев денег за продукты или отдавали их за полцены. Многодетные матери имели возможность определять маленьких детей в специальные приюты¹⁵. Однако со временем взаимоотношения между беженцами и местным населением стали портиться. Почему и до какой степени?

Размещение беженцев по понятным причинам составляло проблему. Отмечали, что их беспорядочный наплыв является серьёзной причиной недовольства населения. Сообщали, что «пленные и беженцы – не работники, первые потому, что сами не хотят, а вторые потому, что им делается все, чтобы они не работали». Особо раздражала деятельность некоторых «национальных» благотворительных организаций. Так, писали, что устраиваются спектакли, чтобы латыши не забыли своего языка, когда же им предлагают работу, «то они запрашивают втридорога»¹⁶.

Авторы справедливо отмечают, что трудовая адаптация беженцев проходила весьма сложно (С. 210–

220). Но так было повсеместно. К примеру, тульский губернатор А.Н. Тройницкий жаловался, что беженцы не желают работать, довольствуясь получаемым пайком¹⁷. Действительно они не всегда соглашались на предлагаемую (непрестижную или низкооплачиваемую) работу. Специальное обследование показало, что этому мешала стрессовая ситуация, которую они испытали¹⁸. Вероятно, причина была не только в этом. Патерналистская система прививает населению производственную пассивность и трудовую инертность. Этот фактор не мог ни сказаться. В селах Пензенской губернии далеко не все беженцы соглашались на поденную работу, что вызывало недовольство местного населения¹⁹. В Казанской и Симбирской губерниях, где беженцы, казалось, относительно трудоустроены, тем не менее, звучали жалобы на отсутствие работы и на грозивший голод. При этом заявлялось: «Мы с казны ничего не получаем»²⁰ (вряд ли так было на самом деле). В Нижегородской губернии беженцы-горожане отказывались от сельскохозяйственных работ²¹. В общем, практикуемые формы вспомоществования скорее деформировали привычную трудовую этику, нежели способствовали развитию у беженцев адаптационных задатков.

¹⁵ Савинский Д. Беженцы в Ярославской губ. (Статистический обзор). Ярославль, 1916. С. 8.

¹⁶ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 102. Оп. 265. Д. 1032. Л. 1431.

¹⁷ Тульские губернаторы. Тула, 2013. С. 313.

¹⁸ Известия Всероссийского союза городов. 1916. № 27-28. С. 252.

¹⁹ Белоусов С.В., Сухова О.А., Юдин С.О. Пензенская губерния в эпоху Первой мировой войны. Пенза, 2015. С. 315.

²⁰ Ерусланова Р.И. Социальная помощь в Поволжье в годы Первой мировой войны. С. 147.

²¹ Белов С.Б. Патриотизм 1915 года. Нижний Новгород, 2017. С. 116–117.

Чтобы «приподнять» локальную работу, авторы внушают: «Беженство – это не просто и не только про беженцев. Беженство – это пространство общей судьбы беженцев и не-беженцев» (С. 271). Затем начинаются фантазии. Оказывается, «правительство, отпуская на организацию помощи беженцам колоссальные деньги, не особенно интересовалось его эффективностью. Оно было озабочено в первую очередь тем, чтобы, манипулируя финансовыми раздачами, приручить “зарвавшуюся” общественность или, как минимум, добиться её лояльности» (С. 273). О финансовых взаимоотношениях правительства с общественными организациями написано немало работ. Известно, что российская бюрократия в своих действиях уже давно стала пассивной стороной; в условиях войны она, тем более, оказалась не в состоянии противостоять «патриотической» общественности. Однако, убежденность во всемогуществе власти среди нынешних исследователей по-прежнему доминирует.

Заключительная часть книги содержит ещё более удивительное умозаключение. Оказывается, помещение беженцев «в воображаемое гетто было необходимым условием противостояния властей и самостоятельных организаций, а потому границы территории отверженных тщательно охранялись обеими сторонами конфликта». Трудно сочинить что-либо более несуразное. Беженцы предстают «конфигурацией, размывание которой не входило ни в чьи интересы, а проводившаяся в отношении беженцев политика лишь внешне выглядела политикой социальной инклюзии» (С. 273–274). Такое можно

было написать, не только не имея представления о реальных взаимоотношениях тогдашней власти и общественности, но и игнорируя представленный выше материал.

Несомненно, в иноязычном окружении беженцам приходилось особенно трудно. Но к чему при этом «многозначительно» вопрошать: «Предполагала ли эксклюзия беженцев их маргинализацию?» (С. 272).

Вообще-то историк обычно использует лексику, приличествующую предмету исследования. В данном случае мы имеем нечто иное. Так, оказывается, что «виктимизация пожилых беженцев... быстро уступила место брезгливо-опасливому отношению к старикам... Образ ребенка беженца также подвергся семантической миграции: маленький беженец стал олицетворением не только своей социальной некомпетентности, но и социальной некомпетентности своих родителей... все более ассоциировался с миром криминала, что в немалой степени способствовало восприятию беженцев как “опасного класса”». Далее утверждается, что со временем в глазах обывателей беженка представала проституткой, а, в целом, «от беженцев открещаются как от зловредной болезни» (С. 273–274).

Вообще-то человек склонен покровительственно относиться к «униженным и оскорбленным» – это приподнимает его собственный статус. При этом предмет патронажа должен вписываться в неписаный ритуал, то есть быть «удобным» и, особенно, «отзывчивым». В противном случае наступает ощущение «бесполезности сострадания». Однако ненависть к объекту бывшего патронажа вряд ли

может быть масштабной и, тем более, уловимо демонстративной. Такие особенности людской психики надо либо понимать, либо их не касаться.

Увы, вместо этого сочиняется нечто невероятное. Авторы упорно поддельваются под британского историка П. Гэтрела. Оказывается, этот автор «усмотрел в самоизоляции, авто-экслюзии беженцев желание сохранить свою этнокультурную “самость”» (С. 276). Вообще-то «капсулизация» малых социумов в инокультурной среде – явление старое, как мир. Это не мешает ему проникать в современность²². Но Суржикова и др. претендуют на открытие и торжественно возвещают: «Беженцы с их маргинализацией и где-то даже автомаргинализацией поспособствовали динамизации социальных статусов и декомпозиции социальных порядков, в первую очередь, поставив под сомнение вековые гендерные стереотипы». Впрочем, далее звучит нечто иное: «Метаморфоза, приключившаяся с ними, выражаясь в феминизации мужчин и в маскулинизации женщин, не отменила традиционный гендерный контракт. Но он... был серьёзно подточен благодаря беженству»²³. Но если ничего основательного не произошло, то зачем огород городить?

Традиционализм необычайно устойчив. Война и революция были для него колоссальной встряской, но не более. Когда «движется вся империя», привычный образ жизни не только не хочется менять, напротив,

появляется потребность в его упрочении. Все это хорошо известно, но авторы упорно стараются сделать «открытие».

Концовка книги примечательна. «Беженцы, внося сумятицу в регистры социальных различий, вообще поставили под сомнение саму идею их очевидности, а с нею – и идею устойчивых социальных образований как таковых, фундируя идею конвенциональности и конструируемости тех или иных социальных статусов». Попросту говоря, беженцы усилили процесс «размывания» привычного социального пространства. Но до какой степени? У авторов нет сомнения: «После беженства путь к современным модуляциям социальности... был открыт» (С. 280). Выходит, надо тихо радоваться социальным потрясениям, способным «модернизировать» природу человека?

Возникает вопрос: откуда, вопреки ранее заявленному, такая склонность к «неудобопонятным терминологическим изыскам», точнее, к «интеллектуальному» словоблудию? Конечно, хочется выглядеть «умнее». Есть желание «говорить красиво». Но имеется ещё одна причина. Дело в том, что нынешние соискатели грантов убеждены, что без «достойного» лингвистического оснащения их заявки не будут удовлетворены. Отсюда демонстрация некой изысканности, перерастающая порой в тарбарщину.

²² См.: *Garcia M.C.* The Refugee Challenge in Post-War America. NY, 2017; *Bailkin J.* Unsettled. Refugee Camps and the Making of Multicultural Britain. NY, 2018; *Farmby K.* Migration and Xenophobia. A

Three Country Exploration. Lanham; Boulder, 2019; etc.

²³ *Gatrell P.* A Whole Empire Walking. P. 117–118.

В случае с рецензируемой книгой, за исключением многообещающего названия, претенциозных введения и заключения, мы имеем дело отнюдь не с самой плохой работой. В общем, она могла стать ещё одним региональным исследованием по проблеме беженства. Однако Суржикова основательно подпортила книгу, превратив труд соавторов в декорацию собственной «учёности». По-

хоже, при этом она пребывает в уверенности, что приподняла материал на новый уровень.

Получается с точностью до наоборот. Исследовательская эмпирика и её теоретическое оснащение должны составлять нечто единое, органичное. А «историографический» нарциссизм способен лишь дискредитировать профессию историка.

Список литературы:

1. Белов С.Б. Патриотизм 1915 года. Нижний Новгород: Изд-во ФГБУ ВО «ВГУВТ», 2017. – 41 с.
2. Белова И.Б. Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914–1925 гг. М.: АИРО-XXI, 2014. – 431 с.
3. Белоусов С.В., Сухова О.А., Юдин С.О. Пензенская губерния в эпоху Первой мировой войны. Пенза: Изд-во ПГУ, 2015. – 464 с.
4. Волков Е.З. Динамика народонаселения СССР за 80 лет. М.; Л., 1930. – 272 с.
5. Голубин Р.В., Морохин А.В., Николаев Д.А. Нижний Новгород и Нижегородская губерния в годы Первой мировой войны. Нижний Новгород: ООО «ЗУМ», 2014. – 184 с.
6. Ерусланова Р.И. Социальная помощь в Поволжье в годы Первой мировой войны. М.: ФГБОУ ВПО Российский государственный социальный университет, 2013. – 176 с.
- а. Полян П. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М.: О.Г.И., 2001. – 329 с.
7. Семенова Е.Ю. Российский город в годы Первой мировой войны (на материалах Поволжья). Самара: Самарский гос. Технический ун-т, 2016. – 198 с.
8. Суржикова Н.В., Михалев Н.А., Пьянков С.А. Российское беженство 1914 – 1922 годов в контекстах новейших отечественной и зарубежной историографий // Вестник Пермского университета. Сер. История. 2012. № 3 (20). С. 140–146.
9. Хольквист П. Российская катастрофа (1914 – 1921) в европейском контексте. Тотальная мобилизация и «политика населения» // *Rossia*. 1998. Vol. XXI. no. 11–12. С. 30–39.
10. Gatrell P. *A Whole Empire Walking: Refugees in Russia during World War I*. Bloomington: Indiana univ. press, 1999. – 317 p.

Об авторе:

БУЛДАКОВ Владимир Прохорович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт российской истории, РАН (Россия, Москва, ул. Д. Ульянова, д. 19), e-mail: kuroneko@mail.ru

THE REFUGEES OF THE WORLD WAR AND THEIR MODERN SCHOLARS. REW.: SURZHIKOVA N.B., MIKHALIOV N.A., PIYAKOV S.A. ROSSIISKOYE BEZHENSTVO: TZENTRY I PEREFERII, PROTZESSY I STRUKTURY, INDIVIDY I VASSY (1914 – 1922 GG.). EKATERINBURG; CHELYABINSK: IZDATEL'SKII TZENTR IUUGU, 2021, - 493 S.

Vladimir P. Buldakov

The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

The problem of refugees of the First World War has been successfully studied for a long time and in great detail, using material from the local archives of European Russia is mainly used, concerning the ways of movement of migrants and their temporary accommodation. On the contrary, reviewed study is based on a local materials from the Ural archives that reflect the life of refugees in their places of final placement. Nevertheless, the authors unjustifiably claim to be an all-Russian generalization. The final part of the book, which claims to be some kind of theoretical generalization, is marked a self-confident tone in an extremely pretentious form. The conclusions drawn do not fit well with documents. In general, the ambitious pursuit of generalizations reduces the significance of concrete research material.

Keywords: *Russia, World War I, refugees, historiography.*

About the author:

BULDAKOV Vladimir Prokhorovich – Doctor of History, Chief Researcher, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow, D. Ulyanov str., 19), e-mail: kuroneko@mail.ru

References

- Belov S.B., *Patriotizm 1915 goda*, Nizhnij Novgorod, Izd-vo FGBU VO «VGUVT», 2017. – 41 s.
- Belova I.B., *Vynuzhdennye migranty: bezhency i voennoplennye Pervoj mirovoj vojny v Rossii. 1914–1925 gg.*, M., AIRO-XXI, 2014. – 431 s.
- Belousov S.V., Suhova O.A., Yudin S.O., *Penzenskaya guberniya v epohu Pervoj mirovoj vojny*, Penza, Izd-vo PGU, 2015. – 464 s.
- Volkov E.Z., *Dinamika narodonaseleniya SSSR za 80 let*, M., L., 1930. – 272 s.
- Golubin R.V., Morohin A.V., Nikolaev D.A., *Nizhnij Novgorod i Nizhego-rodskaya guberniya v gody Pervoj mirovoj vojny*, Nizhnij Novgorod, OOO «ZUM», 2014. – 184 s.

- Eruslanova R.I., *Social'naya pomoshch' v Povolzh'e v gody Pervoj mirovoj vojny*. М., FGBOU VPO Rossijskij gosudarstvennyj social'nyj universitet, 2013. – 176 s.
- Polyan P., *Ne po svoej vole... Istoriya i geografiya prinuditel'nyh migracij v SSSR*, М., O.G.I., 2001. – 329 s.
- Semenova E.Yu., *Rossijskij gorod v gody Pervoj mirovoj vojny (na materialah Povolzh'ya)*, Samara, Samarskij gos. Tekhnicheskij un-t, 2016. – 198 s.
- Surzhikova N.V., Mihalev N.A., P'yankov S.A., *Rossijskoe bezhenstvo 1914 – 1922 godov v kontekstah novejsih otechestvennoj i zarubezhnoj istoriografij*, Vestnik Permskogo universiteta, Ser. Istoriya, 2012, № 3(20), S. 140–146.
- Hol'kvist P., *Rossijskaya katastrofa (1914 – 1921) v evropejskom kontekste. Total'naya mobilizaciya i «politika naseleniya»*, Rossia, 1998, Vol. XXI, no. 11–12, S. 30–39.

Статья поступила в редакцию 07.09.2022 г.

Подписана в печать 22.09.2022 г.